05
-475

ЦЕНА 10 коп.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МОЛОТ

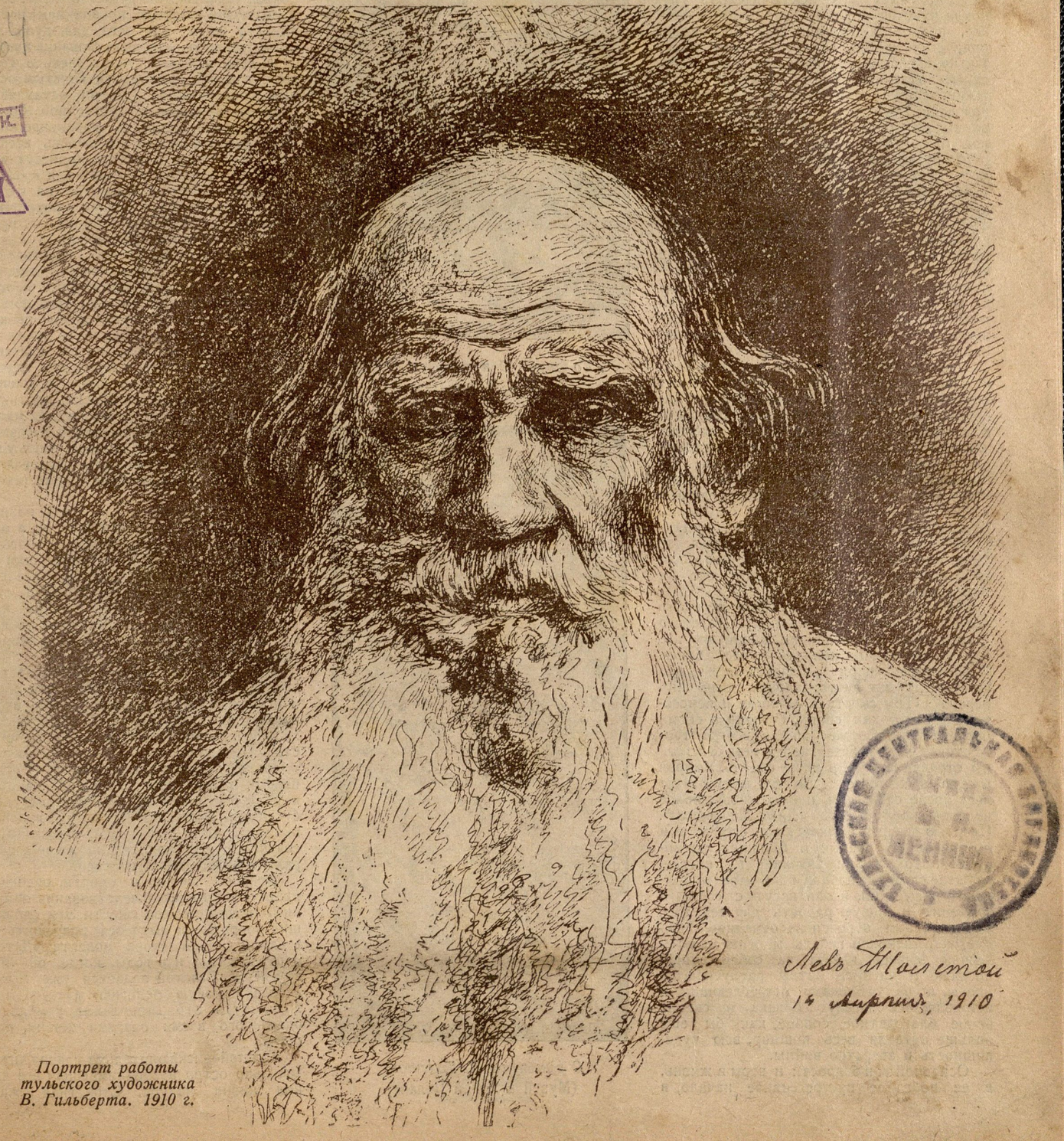
ЖУРНАЛ ТАПП. ■ ■ ■ Сентябрь 1928 г. № 9 (22).

964

г. О. К.

85551

85551.

Лев Толстой
14 апреля 1910

Портрет работы тульского художника В. Гильберта. 1910 г.

Лев Николаевич Толстой.

(К 100-летию со дня рождения писателя—10 сентября 1828 г.).

В эти дни мы празднуем 100-летнюю годовщину со дня рождения Льва Николаевича Толстого.

Его литературное наследие, его религиозно-философские воззрения представляют из себя крупнейшее явление человеческой творческой мысли. Охватывая громадный круг вопросов и явлений жизни, они представляют из себя об'ект серьезнейшего и глубокого научного исследования. В этом же кратком очерке мы имеем возможность лишь в самых общих чертах охарактеризовать его деятельность, как художника и мыслителя.

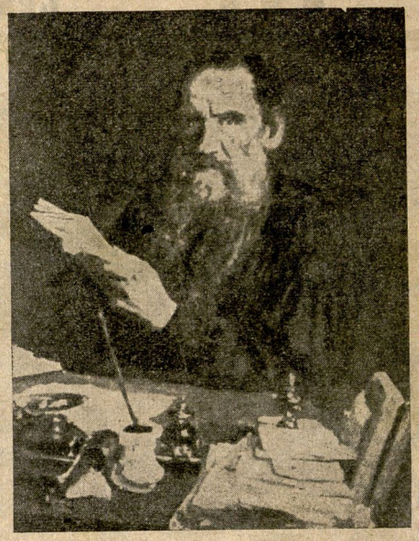
Что особенно характерно для Толстого, как художника, это—исключительно глубокое чувство природы, необычайно тонкое, полное и гармоничное восприятие природы и жизни. Только Толстой умеет так чудодейственно раскрыть и обнажить самые потаенные, самые глубокие процессы жизни и природы, душевных переживаний человека. Перед законами жизни у него равны все—будет ли то растение, животное или человеческое существо. Равным образом каждый из них борется за свое место в жизни, каждый отстаивает себя в ней, каждый тянется к своему благу и счастью.

И действительно, чудесна, почти непревосходима присущая Толстому способность перевоплощения в других людей, в другие существа. Спросите любую женщину—правильно ли, правдиво ли, в созвучии ли с действительностью передает Толстой переживания матери или любящей женщины, и каждая скажет, что на тех страницах его произведений, где он рисует специфические этапы жизни женщины, она, каждая женщина, каждая девушка, узнает себя и в Наташе, и в Китти, и в Анне Карениной, и в Катюше Масловой. Так же и в отношении животных. Когда читаешь жизнеописание «Холстомера» (кличка лошади), о настроениях Левинской «Ласки» (собака) на охоте или картину гибели «Фру-Фру» (лошади Вронского), то перед глазами встает непознанный нами мир ощущений безгласных существ, такой яркий и глубокий, что, кажется, будь у животных дар речи, они бы тоже подтвердили, что Толстой правдиво и верно передает все их переживания и ощущения.

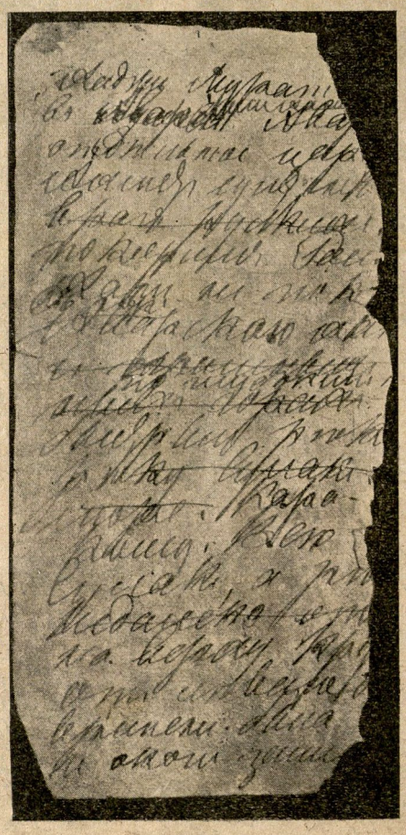
Любовь к природе, искусство передать все тончайшие ее проявления у Толстого связываются с признанием жизни вообще, как ценнейшего неповторимого блага. Поэтому так упорно цепляется за нее все живущее, будет ли то человек, зверь или дерево («Три смерти»). Мощная и неиссякаемая в истоках своих, богатая в своих бесчисленных формах жизнь всегда торжествует и побеждает, перед нею бессильны страдание, горе и даже смерть. Умирая в страшных родовых муках, мать оставляет после себя дитя, новую жизнь, новое человеческое существо (Лиза Болконская). Смертью Андрея Болконского огорчены и потрясены его родные и ближние, но могучий поток жизни увлекает их вперед, забывается мучительная боль утраты, приходят новые дни, и они несут с собою и забвение и новую радость для тех, кто, казалось, был обречен на отчаяние. Тяжкие разрушения и гибель многих человеческих жизней влечет за собой война, но даже и на поле битвы распускаются цветы, а над головами истребляющих и истребляемых плывут облака и светит яркое благодатное солнце, как бы еще больше оттеняя весь кошмар, всю чудовищность и зверство войны.

Основной тон бодрости и веры в жизнь, в ее победное прогрессивное начало, в соединении с признанием созидательной силы труда, делает художественные произведения Толстого особенно близкими пролетариату, как классу строителей и борцов.

Но наряду с этим есть в творчестве Толстого и такие черты, которые становятся в противоречие с нашим пролетарским представлением о тех или иных явлениях жизни. Сюда, прежде всего, необходимо отнести отрицание Толстым классового деления и классовой борьбы в обществе. Моральное, нравоучительное начало присуще не только Толстому-философу, но и Толстому-художнику. Главные персонажи его крупнейших произведений—Андрей Болконский, Константин Левин, Нехлюдов через ряд ошибок и заблуждений приходят каждый к своему нравственному идеалу. Болконский, мечтавший о славе, равной славе Наполеона, перед смертью постигает все ничтожество своих честолюбивых исканий и в нем «распустился этот цветок любви вечной, свободной, не зависящей от этой жизни, он уже не боялся смерти и не думал о ней». Левин и Нехлюдов кончают признанием необходимости жить «для бога, для души», для нравственного совершенствования и любви.

Л. Толстой. С портрета Репина.
(Музей в Ясной Поляне).

С рукописи Л. Толстого.
(Музей в Ясной Поляне).

И если любовь и нравственное совершенствование признаются Толстым основным началом жизни, то он оставляет в стороне вопросы общественной борьбы. Не классовая борьба, но моральное совершенствование каждого и любовь всех ко всем, по мнению Толстого, принесут человечеству то благо, то счастье, к которому оно идет. Поэтому, несмотря на то, что его произведения обильны противоположениями—картины жизни богатых, праздных и изнеженных помещиков и аристократов и картины жизни крестьянства, темного и дикого, измученного нищетой, чрезмерным трудом, Толстой все же отрицает противоречивость интересов помещиков и крестьянства, отрицает наличие классовой борьбы. Он недоумевает перед попытками социалистов путем классовой борьбы восстановить социальную справедливость, и ему гораздо ближе и понятнее помещик Левин, который, не противопоставляя себя народу, а, мысля себя частью этого же народа, намеревается в совместном труде с этим же народом, учась у него и помогая ему, установить справедливые братские отношения между помещиком и крестьянами.

В этом отрицании классовой розни, в признании главнейшим фактором в отношениях между людьми нравственного начала мы видим уже первые зачатки его теории непротивления злу: если все люди братья, если человечество должно стать счастливым только через любовь, через нравственное улучшение каждого, то классовая вражда и борьба вредны, неприемлемы и преступны.

Мы знаем, что во имя этого нравственного начала Толстой впоследствии осудил и искусство, и свое творчество в том числе, как праздную и безнравственную забаву паразитствующих верхушек общества. На протяжении всей его жизни в нем боролись художник и моралист. И если в первый период его деятельности вопросы морали и религии он облекал в художественную форму, то к концу жизни он пытался совсем отойти от искусства, посвятив себя исключительно решению морально-философских вопросов.

Вопросы жизни и смерти, религии и нравственного совершенствования занимали Толстого с самой юности. Эти сложнейшие вопросы он пытается разрешить уже в самой ранней своей повести: «Детство и отрочество» и в годы, когда он писал эту вещь, Толстой задается уже мыслью «создать новую религию». Откуда могло возникнуть это стремление у молодого, одаренного всеми благами жизни, помещика?

Толстой—исключительно тонкая, исключительно остро воспринимающая все явления жизни натура. Страстная жажда

жизни, безмерная, почти языческая, влюбленность в нее сочетается у него с необычайной зоркостью ко всем ее отрицательным сторонам, ко всем противоречиям, которыми изобилует она. Он рано познает, что стремление к личному благу и счастью в том обществе, в котором он живет, неминуемо приходит в столкновение с интересами и личным благом других. Он наблюдает жизнь своего класса, жизнь крестьянства. Он видит глубокое культурное и экономическое неравенство, которое разделяет тех и других. Он сознает, что крепостное право—позорнейшее из прав, которым пользуются помещики для присвоения труда крестьян. И он—один из первых помещиков, который решает отдать свою землю крестьянам. Но когда миновала эпоха крепостного права, и Толстой убеждается, что с его отменой крестьянам не только не живется лучше, но что к остаткам крепостничества прибавились и новые беды—обезземеливание и разорение крестьянства, а одновременно с тем начинало распадаться феодальное помещичье хозяйство, картина разрушительного действия капитализма в патриархальной ранее деревне отталкивает его, восстанавливает против капитализма, против новой городской буржуазной культуры. Толстой переживает величайший разлад. Он мучительно и долго ищет развязки той социальной драмы, которую переживает перед лицом неумолимо наступающего капитализма деревня с ее старым, прочным, веками отстоявшимся укладом жизни. И Толстой находит эту развязку. Но, противник гнета и насилия, беспощадный обличитель правительства, бюрократии и церкви, поддерживающих это насилие, Толстой находит развязку не в призыве к борьбе со всеми виновниками общественных зол, а он находит разрешение этого вопроса в отказе от всяческой борьбы, создав свою теорию непротивления злу. Не вперед к капитализму и буржуазной революции, а затем—к пролетарской революции и социализму, но назад—к патриархальному быту, к опрощению, к уходу от культуры, к первобытности зовет за собой Толстой-философ все человечество.

Это—не наш путь. Принимая Толстого, как гениального художника, как творца редчайших художественных ценностей, мы должны отвергнуть его философию, как учение реакционное и антиисторическое.

«Толстой велик, как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России. Толстой оригинален, ибо совокупность его взглядов, вредных, как целое, выражает как раз особенности нашей революции, как крестьянской буржуазной революции; противоречия во взглядах Толстого с этой точки зрения действительное зеркало тех противоречивых условий, в которых поставлена была историческая деятельность русского крестьянства в России», — пишет Ленин о Толстом в 1908 г.

И дальше:

«Толстой отразил наболевшую ненависть, созревшее стремление к лучшему, желание избавиться от прошлого — и незрелость мечтательности, политической невоспитанности, революционной мягкотелости. Историко-экономические условия об'ясняют и необходимость возникновения революционной борьбы масс и неподготовленность их к борьбе, толстовское непротивление злу, бывшее серьезнейшей причиной поражения первой революционной кампании».

Повторяем, путь Толстого-философа — не наш путь. Путь, избранный пролетариатом, — путь борьбы за социалистическую культуру.

А этот путь означает не возврат к патриархальному хозяйству, не идеализацию деревенского бескультурья, но неуклонное продвижение вперед к индустриализированному хозяйству, к социализации деревни, к совершеннейшей социалистической культуре и дальше к бесклассовому коммунистическому обществу.

М. Колябская.

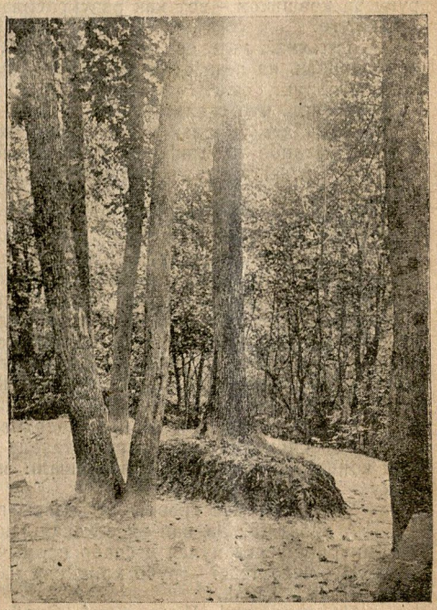
Камень с гравюрой—подарок Л. Толстому от брянских рабочих. На камне написано:

„Вы разделили участь многих великих людей, идущих впереди своего века, глубоко чтимый Лев Николаевич! И раньше их жгли на кострах, гноили в тюрьмах и ссылке. Пусть отлучают вас как хотят и от чего хотят фарисеи и „первосвященники", русские люди всегда будут гордиться, считая вас своим, великим, дорогим, любимым". (12 подписей).

Международный юношеский день в Туле.

Молодая гвардия. *С. Дмитриев.*

Могила Льва Толстого в лесу при Ясной Поляне.

Татьянин муж

Рассказ Арсенова рис. В. Гильберта.

1 глава.

Если спросите на хуторе:

— Которая хата Дмитрия?—вам ничего не скажут, или ответят:

— Какого Дмитрия? Такого у нас нет...

Или покажут совсем не Дмитрия, а Дмитрича. Но если вы спросите:

— Товарищ, где Татьянина хата?

Вам каждый покажет. И Дмитрия больше звали не Дмитрием, а „Татьяниным мужиком".

Так и я его про себя называл «Татьянин мужик».

Ближе я познакомился с ним и с Татьяной, когда переехал к ним на квартиру.

На масляной возвращаюсь я как-то поздно вечером, смотрю двери настеж... На столе коптит лампа, на полу лужа крови... слышу стон и слабый дрожащий голос Дмитрия:

— Михайло, а Михайло, дай испить.

Смотрю: с печи свесилась окровавленная голова Дмитрия, рыжая бороденка повыдергана, усы слипились, один глаз распух, на лбу сочащийся кровью шрам...

— Не узнал?—горько усмехнулся он, протягивая дрожащую руку за ковшиком,—вот как разукрасила!—и он всхлипнул.

— Кто?..

— Татьяна... мать ее перемать! Кто?..—ругнулся Дмитрий и, откинувшись на печь, стал натягивать на печи перепачканный кровью полушубок.

Я не знал, что сказать.

— Михайло, умираю ведь,—снова всхлипнул он:—Умираю, друг!.. Братанов позови!.. И неожиданно вскочив на колени, крикнул:—А-а! убежала, испугалась, стерва! Вот приди только!.. Ой, сме-е е-рть!

Тут в сенях послышались шаги и в избу вошла с ведром воды сама Татьяна.

Дмитрий тотчас притих. Татьяна, плечистая, чернобровая, кровь с молоком баба, была во всем прямой противоположностью хлипкого Дмитрия. Дмитрий—мужиченко хитрый, болтливый, разговаривая шнырял глазами по полу, любил лежать на печи, втихомолку от бабы выпить, похвастаться... Татьяна глядела открыто, говорила мужским голосом, была хорошо грамотной, читала Льва Толстого, а после революции «Азбуку коммунизма», брошюры Ленина, выписывала газеты, на работу была жадна. Сама ходила за плугом, косила, молотила...

— Побеспокоили вас,—мягко сказала она, подвязывая вокруг шеи концы накинутой на голову шали и подтыкая кумачевую юбку...

— Что это у вас кровь?—смущаясь, пробормотал я.

— А кровь-то? Да вон—все хахаль мой!..

Дмитрий шевельнулся и слабо промычал...

— Ну, чего тебе?—грубо крикнула на него Татьяна.

— Пить... Таня!..

— На, подавись!.. Пить, пить!.. Стойте, ужо я в вашей комнате вымою. Печь подтопить, нет ли?

Татьяна расторопно стала прибираться.

— Были в читальне? Нет?.. Радио устраивают, нет?..

— Да, устраивают... из-за чего это у вас?..

— А, напилась сволочь! Я ему за дровами велела ехать, а он уперся к Орлюковой—бесстыжая рожа...

— Тань!.. умираю ведь... милая...

— Небось, не издохнешь!

И Татьяна в сердцах еще сильнее принялась шаркать тряпкой пол, ворча:

— Кровяной какой.. в чем душа держится, а кровищи, как на зло!..

2.

Вид Дмитрия был так ужасен, что я думал он умрет. Однако, уже на следующее утро Дмитрий встал, как ни в чем не бывало. Я еще лежал в постели, когда он заглянул ко мне в комнату:

— Спишь, Миша?

— Нет, а что?

— Ушла моя-то хозяюшка,—желчно хихикнул он и боком продвинулся в дверь.

— Садись, сейчас я вставать буду.

— Ничего... Ты лежи... чего я спросить хотел,—боязливо оглянулся он на дверь и, понизив голос до шопота, наклонился ко мне:—Как насчет разводу, разведут, нет?..

— Подавай, это теперь живо.

— Мне главное имущество... не отдаст ведь она. Прогонит в одних портках, как пить дать!

— Ничего не прогонит,—попробовал я его утешить...

— И за что она?.. Ах, и зла,—он покрутил головой:—стражник, говорит: полицейский, белогвардеец, я-то!.. Таня, Таня! А кто тебя поил, кормил?.. Разве ж я своей волей переехал на хутор. Земли не дали, куда деться... Эх, Миша! Не знаешь ты меня!—тяжело вздохнул Дмитрий, опуская голову на грудь...

Оказывается слова Дмитрия о разводе не были брехней.

В обед пришли два старших Дмитриевых братана, здоровенные мужики—Василий и Иван. Ни Иван, ни Василий нисколько не походили на Дмитрия. Дмитрий небольшого роста, с мочальной тощей бороденкой, а Василий и Иван оба чернявые, с окладистыми бородами, косая сажень в плечах. Уж на что Татьяна была бой баба, но и та заметно струхнула, когда они, громко стуча сапогами, вошли в избу...

Не поздоровавшись остановились они у печки, на которой лежал Дмитрий:

— Что, братан?—сказал старший—Василий, который отличался от Ивана лишь тем, что был несколько смуглее да плечистей.

— Умираю, Вася!.. голову прошибла... мозги наружу...

— Чего врешь-то! — откликнулась, стоящая у шестка, Татьяна.

Иван цыкнул на нее:

— Ты!—И, встав на приступок, стал разглядывать Дмитриеву голову: — М-да, есть! — пробурчал он и, соскочив, смерил Татьяну с ног до головы.

—Не узнал?—горько усмехнулся он, протягивая дрожащую руку за ковшиком...

— Стой!— оттолкнул его Василий, выступая вперед.—Ты что же это, стерва, с человеком сделала, а? Как хвачу вот!..

Татьяна, продолжая стоять боком к братьям, нервно теребила синий передник, ноздри ее раздувались, высокая грудь судорожно вздымалась.

— Попалась, чтобы тебе так! а-а! попалась!— визгливо запричитал Дмитрий.—Что, попалась теперь, а?.. а вот братаны-то тебе дадут, как надо мной издеваться!

— Раскладывай ее, чего там!..

— Раскладывайте, раскладывайте... Возжами ее, по мясам-то...

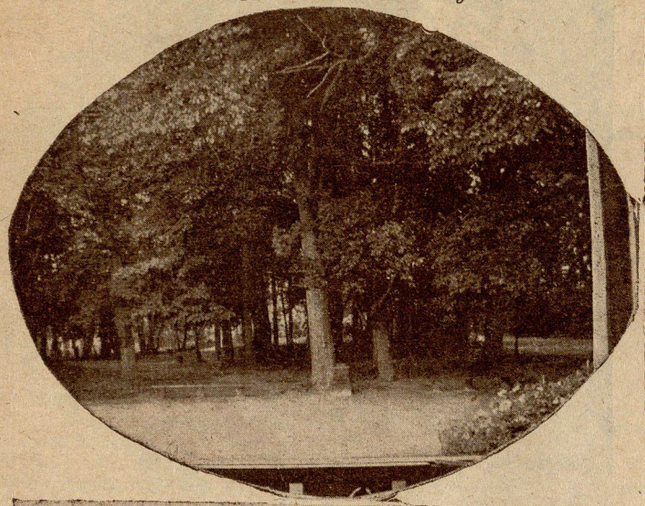
Василий схватил Татьяну за юбки и дернул к себе. Татьяна всплеснула руками и, бледнея, крикнула:

— Ох, я — и, шевеля беззвучно губами, в страхе взглянула на меня, будто не столько боялась она, что

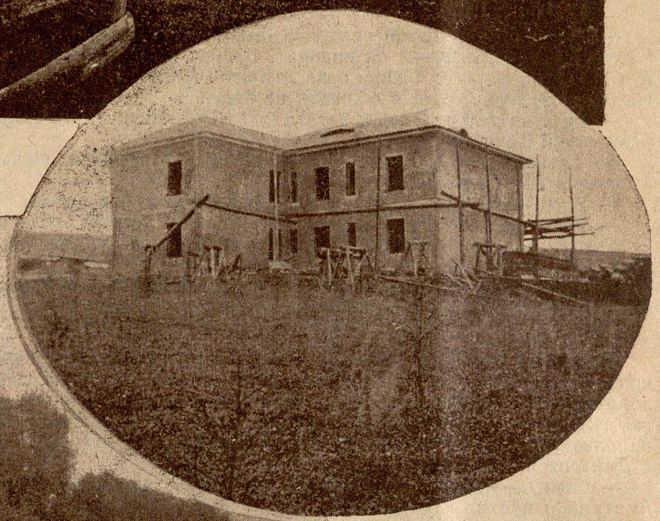
Ясная Поляна.

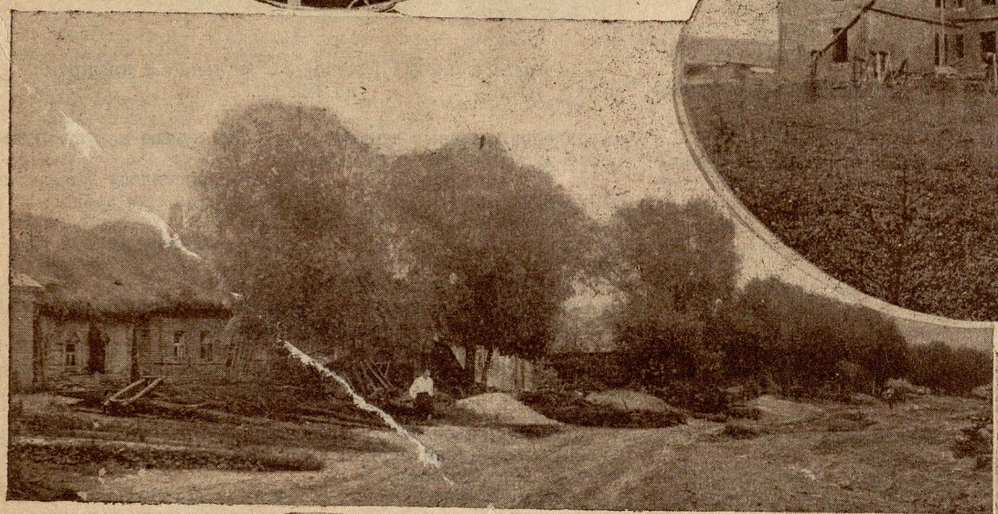
Фото В. Сэпп.

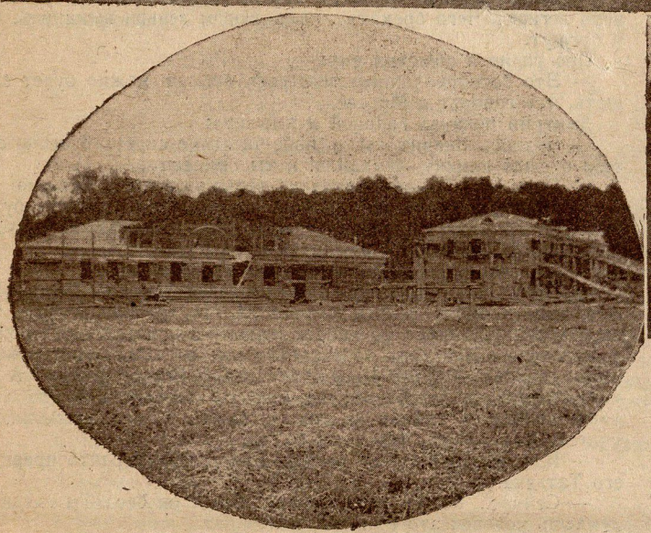
1. Уголок парка усадьбы Ясная Поляна. Вид с террасы. 2. Вновь построенная школа 9-тилетка имени Льва Толстого. 3 (ниже). Вновь построенное помещение для педагогического персонала школы и музея.

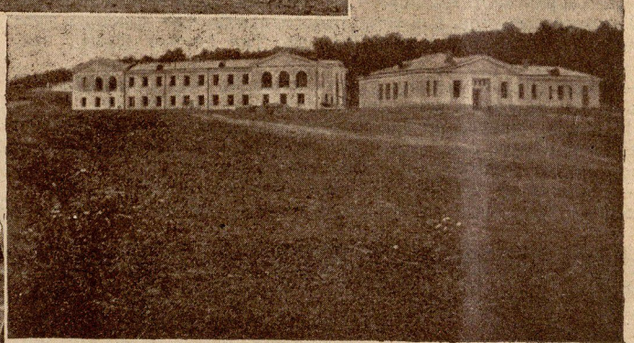

4. Часть деревни Ясная Поляна. Деревня перестраивается. Соломенные крыши заменяются железными. На снимке у домов — строительный материал. 5 (внизу справа). Вновь построенные корпуса ясно-полянской больницы. 6 (слева). Здания для медицинского персонала и служащих больницы.

сейчас ее будут бить, сколько того, что это увижу я... Она сопротивлялась слабо, словно уже не впервой хватили ее сильные братнины руки...

— Ух... ах... я!..—глухо выкрикивала она, стараясь вывернуться из их рук...

Мне казалось, что потому она вывертывается, что здесь я и что, не будь меня, она бы, может быть, уже давно покорно легла на пол, и разве бы что голосила.

— Под ножку дай! Вась, под ножку!—Дмитрий, свесившись с печки, полураскрыв рот, жадно наблюдал за этой сценой.

Я бросился разнимать их:

— Стойте!

Василий и Иван отступили и кровяными глазами, тяжело дыша, со злобой взглянули на меня... Татьяна, на ходу оправляя платье, отскочила к печке и прижала руки к разорванной на груди кофте.

— Охальники!..— прошептала она и отвернулась.

— Ты кто такой?—замахнулся на меня Василий.

Иван потянулся к вороту моей гимнастерки:

— Хахаль ее! Кто?

— Ваня, оставь!—слабо протянул Дмитрий—квартирант это... Михайло... Зачем?.. Разве он виноват? Правду я говорю, Миша?.. А ты, Татьяна... этого.. живи одна, значит.. желаем развестись... гнедой мой, телку бери, я обижать не буду...

— Куда ей телку, взашей надавать и все...—Иван опять было рванулся к Татьяне.

Но Татьяна ловко увильнула и, схватив с вешалки шаль, выбежала вон из избы...

— У ты!—протянул следом за ней руки Дмитрий и поник.

— Убежала?.. А тьфу!.. А ты ее не пущай теперь.. гони в шею... вот дал бог бабу! Да я б ее вот как согнул, не пикнула бы!..

Братаны прошли в передний угол и отплевываясь принялись свертывать цыгарки...

3.

Однако на этот раз тем дело и кончилось, и вечером, вернувшись домой, я нашел Татьяну сидящей за столом и починяющей лопотину. Дмитрий сидел около дверей на скамейке и покуривал... Я до того поразился этой неожиданной для меня семейной идиллией, что в недоумении остановился у порога, переводя взгляд с Дмитрия на Татьяну.

— Садись,— кивнул мне головой на лавку рядом с собой Дмитрий и пустил клуб дыма.

Татьяна ниже склонилась над шитьем...

Я, дабы не подать им виду, что интересуюсь их семейными делами, заговорил совсем о постороннем. У нас в клубе шла подготовка к празднику, и я стал рассказывать, как мы устанавливаем радио.

— Радио? А что оно такое есть?— как будто в первый раз слыша это слово, хитро осведомился Дмитрий!

Надо сказать, что Дмитрий не верил ни в какие нововведения. Летом наш КОВ выписал трактор... Дмитрий не поверил, что КОВ выписал трактор, а потом стал говорить, что никаких тракторов на самом деле и нету, что это так только пишут зря, хвалятся...

— Разве можно машину вместо лошади... как запрягать будешь, огнем да паром всю сбрую спалишь,— говорил он.

Но когда трактор на самом деле привезли, чуть не первый побежал смотреть его... Но и рассматривая хитро посмеивался в свою пегую бороденку и подмигивая говорил:

— Машина-то, машина, да пока заведешь ее да пустишь — намаешься, там, гляди, гаечка развинтилась, там то... Знаем мы—

— Ты что же это с человеком сделала, а?..

— Тише!— крикнула, вставая, Татьяна и постучала по столу...

некуда общественные деньги девать!... А ну его к богу... нам не нужно, мы и без нее проживем.

На тракторе пред КОВ'а, для пробы, проехался по хутору. Дмитрий подошел к машине поближе и, все еще продолжая недоверчиво хмыкать, заглянул трактору под кузов, пощупал рукой кожух и пальцем сунул в дырку — отверстие для газа—и ожегшись, выругался:

— А, едри его мать, жгется!..

А когда на тракторе стали пахать, первый побежал в КОВ просить, чтобы и ему запахали полгектара..

— Да ведь ты говорил, что тебе не нужен трактор.

— Кто говорил!?.. Лешак говорил, вот кто,— огрызнулся Дмитрий и до тех пор не отстал, пока не послали монтера с трактором на его пашню.

То же и про аэроплан... Когда стали призывать записываться в авиахим, Дмитрий первый выступил против и, с насмешкой глядя на меня, говорил...

— Да где же это видано, чтобы люди летали.. Ведь у птицы перо легкое... Чего брехать.. надо людям деньги выманить, вот и брешут.

Про радио я об'яснил ему:

— Это беспроволочный телеграф, отсюда можно будет слышать, что говорят в Москве.

Дмитрий покачал головой и хмыкнул:

— Чудно!... Значит ты в избе-читальне сидеть будешь, а я тебя отсюда кликну—Михайло! и ты придешь...

— Помолчал бы,—буркнула не подымая головы Татьяна.

— Нашли дураков, эх!.. А есть верют... Тоже говорят, будто проведут проволоку и раздадут всем пузыри и будет тебе свет... Коммуния... Ха-ха-ха!—захохотал он и подмигнул.

— Тут не в том дело, теперь во всех городах...

— Ну, ладно!— не дослушав меня и зевая поднялся Дмитрий.— Это, помню, бабка сказки сказывала.. И, говорит, поймал тот парень птицу, вырвал из хвоста перо и—в шапку, прошел в хату, вынул перо... А оно, на тебе, светло как днем, аж глаза режет... Тоже, говорит, в книге было пропечатано. Всякое пишут... А тут учительница жила, Беспалиха, так та вычитала будто есть такие собаки и свиньи по-людски бают... хе-хе... Беспалиха — учительница... Суха, что щепа была...

— Иди, надавай корму лошади... расселся!— сердито прервала его Татьяна.

— Сейчас... бес-от всех путает... Везде он бес... Ты глядишь: думаешь человек это или что, а это бес...

Про чертей, колдунов и про разные приметы и поверья Дмитрий любил говорить и в этой области уже верил всем всегда и на слово. Так, например, он рассказывал, что его тетка видела, как его, Дмитрия, родная бабка превратилась в собаку.

— Глянула Анисья в окошко, а по двору бежит собака вислоухая, здоровая!...

— Да, поди, все враки,—сомневались слушатели.

Сорок Загоркиных

рис В. ГИЛЬБЕРТА.

ИЗ ПОВЕСТИ „БЕРЕЗОВЫЙ СОК" С. ДМИТРИЕВА.

Засверкала весна солнцем, запела капелью. Осколками зеркал лежали лужи, и в каждой капле светилось солнце, громким хлопаньем крыльев и радостным пением встречали весну петухи.

Выбежала на двор баба Анисья, громыхнула ведерку под водосточную трубу—бисерной ниткой заструилась, запела капель на весь двор.

В саду неуемно кричали грачи и галки, сорили на осевшие сугробы трухлявым сором из старых гнезд.

Когда Владимир вышел на крыльцо, скрипя, медленно отворились ворота, и деревенская баба, в шубе, закутанная в теплый платок, ввела во двор мухортую лошаденку, тяжело волокшую розвальни.

Владимир узнал дальнюю родственницу отца, тетку Аграфену.

В санях сидела большеглазая девочка-подросток, Аграфенина дочь Аленка.

— А, тетка Аграфена! Здравствуй!— сказал Владимир.

Тетка мазнула рукавом по лицу и, моргая обветренными глазами, посмотрела на Владимира.

— Владимирушка! Здравствуй, родной, здравствуй, дитятко... Как вы тут живете-можете? Все ль живы здоровы?

— А тебя и не узнаешь — ишь, вырос какой большой, да гожий... А я вот,— Аграфена стала привязывать лошадь к столбу у сарая,— а я, вот, Аленку вам привезла...

— Пятнадцать годов девке, наряду просит... А во што я ее наряжу, милый? Охо... Чего ж ты сидишь?— обратилась она к дочери,— вылезай, чего ж...

Аленка вылезла из саней, оправила измятое платье и встала потупясь.

Аграфена вытаскивала из сена в передке саней узелки, кринки с молоком и подавала Аленке:

— Держи!

— Лошадь-то в сарай надо,— сказал Владимир.

— Это я пока, пока,— суетилась у саней Аграфена,— потом в сарай поставлю.

Владимир вышел за калитку, закурил и рассеянно посмотрел на тающий в воздухе папиросный дымок. Вдруг он увидел мальчишек, они перелезали через забор, ловкие и увертливые, и Владимир вспомнил, как в детстве, весной, он с ребятами добывал березовый сок, сладкий, немного, как будто, с горчинкой.

Горячило сердце смутное волнение, и слова теснились в голове и просились в строки:

Жизнь сладка и горька,
Как березовый сок,
Как березовый сок весной.

— Глупо,—подумал Владимир,—почему, как «березовый сок»?

Был двенадцатый час, а к часу Владимиру надо быть на собрании литгруппы «Молодое творчество».

Он прошел тихим переулком на Октябрьскую, по-праздничному шумную, людную и стремительную.

Лился весенний блеск, голубой и ослепительный, тащились крестьянские воза с соломой и сеном, трубили сирены автобусов, по неровной, ухабистой мостовой легко прыгали санки извозчиков.

Над заводскими воротами висели круглые часы, и, увидя, что еще нет двенадцати, Владимир, дойдя до реки, остановился на гулком мосту. Рекой с полевых просторов плыл светлый, солнечный ветер и совсем по-весеннему краснели прибрежные кусты.

Владимир сдвинул шапку, открывая навстречу ветру и солнцу лицо, и, жмурясь, стал смотреть.

Золотые лучики света щекотно повисли на ресницах.

— Мечтаешь?

К Владимиру подошел Ваня Костылев, высокий, тощий, редко улыбающийся парень.

Лицо у него было бледное, черные брови неуклюже расползлись над впалыми, затененными синью глазами.

— Чего стоишь?

Владимир сказал:

— На собранье иду, да рано еще... Вот и остановился.

Они пошли вместе и, шагая через лужи, лавируя меж саней и санок, сторонясь от оглобель, пересекли дорогу.

— Я,— говорил Костылев,— давно не был в «Молодом творчестве». Скучно там что-то. А скуки и так хоть отбавляй.

На минуту замолчав, он сказал:

— Ты знаешь... я ушел от матери:

— От матери... ушел?!— удивился Владимир.

— Ушел... Сегодня я у Глаши ночевал. Хорошая, брат, девка... Есть в ней огонек этот самый, человеческий... Душа.

— А Вера?— спросил Владимир.

— Вера... Она выходит замуж... Соблазнилась ответственной ставкой... Что ж. Не жалею, не зову, не плачу...

Владимира больше всего поразило то, что Костылев ушел от матери.

Мать Костылева, тихая, простая старушка, такая кроткая и улыбчивая. Она напоминала Владимиру его покойную мать.

И, когда уже подошли к клубу, Владимир сказал:

— Как она теперь одна-то... твоя мать...

Костылев дернул плечом:

— Ничего не попишешь,— и протянул Владимиру руку:

— Будь здоров. Мне на Советскую... к человеку одному надо.

Владимир вошел во двор, по засоренной окурками и подсолнечной шелухой лестнице поднялся на второй этаж, где в сыром и холодном зале собралось уже несколько подростков. Они насвистывали, возились. кричали, а плотный, широкоплечий парень в ушанке барабанил одним пальцем по хриплым, дребезжащим клавишам старого рояля.

* * *

Прошел час.

На собрание не пришла добрая половина членов. Не пришел и председатель группы, и собрание открыл секретарь, Коля Слепцов, вихрастый, голубоглазый юноша.

Первый вопрос, доклад о пролетарском творчестве, был снят с повестки дня за отсутствием докладчика; за докладом в повестке стояла читка произведений,—с читки и начали.

Записалось 6 человек.

— Первым читает товарищ Огненный,— сказал Слепцов басом, вместо „р" произнося „г", и мотнул головой:

— Начинай!

Двинули скамейками, запершали, заскреб кто-то сапогами по полу, и Огненный, выставив левую ногу и заложив руку назад, ждал, когда собрание приготовится его слушать.

— Начинаю,— он обвел глазами зал, гордо запрокинул голову и не своим голосом выкрикнул: «Девушка, которая родила».

Кто-то гмыкнул, фыркнул и несколько безусых юнцов обернулись назад, где сидела девушка в розовой шапочке.

Девушка сконфузилась, она повернула голову к окну и стала смотреть сквозь мутное стекло: к окну подкатилась мокрая крыша и на ней любились голуби.

Огненный повторил: «которая родила», посвящается сестре.

«О, ты, родившая птенца,
Ни в чем невинное созданье,
Прими от бурного певца
Сие сердечное признанье».

Раздался голос:

— Из Пушкина что-то.

Второй возмутился:

— Сам ты из Пушкина.

— Невинное созданье Ловко-о.

Огненный откинул полу пальто назад и выставил вперед правую ногу.

— Это шпанство, я брошу читать,— заявил он вспыльчиво.

— Вали. Чего там.

— Катай дальше.

«Не я твои младые перси
Ласкал вечернею порой,
Не я...

— Постой,— сказал Слепцов и, упершись руками в стол, обратился к собранию:

— Товарищи, я не знаю как...

Огненный сомкнул губы и пожал плечами.

Когда Владимир пришел домой, там пили чай.

— Все мы,— продолжал Слепцов,— все мы, понятно, знаем наши цели и задачи и никто, понятно, не смеет запретить родить свободной девушке, но вот, товарищи, Любка Трофимова от нас ушла, Софочка тоже, осталась одна товарищ Клаша, которую мы видим здесь...

— Мещанки,— сказал Огненный.

— А что такое перси?—захлебнулся в смехе мальчишеский голос.

— И вот, товарищи, по-моему, такие стихи, где... выражения такие.

При этих словах Слепцова Огненный, трагически опустив голову, торжественным шагом направился к двери.

Слепцов растерянно посмотрел ему вслед:

— Ты куда же?

Но Огненный в это время с силой захлопнул за собой дверь.

Слепцов тихо улыбнулся:

— Ушел. Вот, нервный парень.

Подождали минуту, поговорили, посмеялись.

— Давай дальше.

Выходили к столу конопатые, белобровые мальчики, читали про весну и любовь, собрание слушало их плохо, многих вдруг стал мучить кашель и насморк. Последним читал Еремеев, мальчик лет пятнадцати, живший в учении у замочника, тихий, серенький какой-то.

На нем был старый пиджак, серо-желтый, с черными заплатами на вороте и локтях козырек измызганного картуза закрывал лоб до бровей.

Запинаясь, Еремеев стал читать:

«Иду один, склонив главу,
Печальный жребий дан судьбой,
Мне все немило и постыло,
Отрады нету никакой.

Друзья, приятели мои
Меня спокинули давно,
В могиле хладной и сырой
Найти мне счастье суждено».

И когда Еремеев сел, слово взял Гаврюшка Бурцев.

Он заломил кэпи на затылок и стал говорить, делая каждое слово твердым и прямым:

— Сейчас, товарищи, мы заслушали стихотворение начинающего поэта Еремейкина...

— Еремеева,— поправили Бурцева.

— Это все равно, Еремеева иль Еремейкина, это роли не играет. Стихотворение, конечно, бросовое, никуда негодное и говорить о нем нечего. Но, товарищи, посмотрим с такой точки зрения: может ли рабочий класс итти один, склонив голову? Не может,— стукнул Бурцев кулаком по столу. Это, товарищи, отрыв. А поэт, зачитавший нам свое стихотворение, так именно и говорит: иду один, склонив голову. Это, выходит дело, плачет человек, а иначе — почему он склонил главу.

— А может ли рабочий элемент плакать? Не может. Это я вам верно с общей точки говорю. Не может.

— Отсюда видно, что все зачитанное стихотворение есть отрыжка и упадочничество, с которым мы ведем решительную борьбу каленым железом. И вот, товарищи...

Бурцев сделал передышку и посмотрел на Еремеева.

Тот сидел, как осужденный за смертный грех, и не поднимал глаз.

Бурцев продолжал:

— Я, как комсомол, говорю,— такие стихи никуда не годятся и служат разложением, а нам нужна крепкая порода. Такие стихи мог написать только оторвавшийся, чуждый элемент,— вот какое мое мнение. Я кончил.

— Позвольте мне,— поднял руку Владимир, но Слепцов уже вносил предложение, в котором указывал, что в виду неявки большинства старых членов группы все вопросы, в виду их серьезности, надо отложить до следующего собрания, тем более, что вопросы идеологии будут прорабатываться в дальнейшем детально.

II.

Когда Владимир пришел домой, там пили чай.

На столе фыркал новый самовар «рюмочкой».

У окна, на своем обычном месте сидел отец, курил и слушал жалобы тетки Аграфены.

Разливая чай, мачеха, Ольга Васильевна, недовольно шмурыгала носом.

Сестра Нюрка «красоту наводила» перед зеркалом.

На комоде стояла зажженная лампа, в нее были воткнуты щипцы и, пока они нажигались, Нюрка подводила брови обожженной спичкой, напевая вполголоса:

«За веселый гул, за кирпичики...

— Только и знаешь—пудриться, да завитушки гофрить,— сказал Владимир, проходя мимо сестры к столу.

Не сводя глаз с зеркала, Нюрка бросила злое:

— Указчик какой...

Она вплотную сунулась лицом к зеркалу и стала мизинчиком растирать прыщик на носу.

Из-под мизинца пошло по всему носу красное пятно.

Тогда вспыхнула злоба с удвоенной силой:

— Указчик! Иди, Наське своей указывай, а я и без тебя учена... Поэт! Стишок в газету написал. Списал где-нибудь, да бахвалится.

— Лучше стихи списывать, чем никогда книги в руки не брать. Владимир потянулся через стол за сахаром и встретился с колким взглядом мачехи.

— Ну, пришел! Пошел теперь придираться. Все не так, все не по нем.

— Я не придираюсь.

Владимир взял стакан и ушел к себе, в запечную комнатушку, маленькую и сумрачную от того, что она выходила окном в коридор. Он взял со стола «Красную Ниву», два раза подряд прочитал понравившееся стихотворение, потом стал пить чай, слушая, как тянула тетка Аграфена, словно дьячок на великопостной службе:

— Девки-то теперь в деревне и... и.. как наряжаться стали. Одна перед другой. Платье-не платье. Ну, и моя плачет. Глупа, и ей вырядиться хочется. А на каки-таки прибытки выряжу я ее?

Запрягут теперь девчонку в работу,—подумал Владимир.

С самодельной, некрашеной полочки он достал тетрадь в синей клеенчатой обложке—это был его дневник.

Обмокнув перо в чернила, Владимир стал читать первую запись в дневнике.

«Сегодня я начинаю писать дневник.

С тех пор, как отец женился на Ольге Васильевне, на этой очень злой и отменно ехидной женщине, я много перестрадал.

Женившись, отец так изменился, что его узнать нельзя.

Мачеха собиралась упасть в обморок.

Смешно сказать, человеку под пятьдесят, а он стал зачесы зачесывать и усы стрижет по-английски.

Это, понятно, мелочь, но, по-моему, мелочь характерная.

Все дело, понятно, в мачехе.

Это низкая женщина. Она, конечно, не любит отца и вышла за него замуж потому только, что он выдвиженец и ставку получает ответственную, а она (мачеха) женщина полуграмотная, еле фамилию свою может подписать, и весь ее интерес в том, чтоб жить барыней, ничего не делать, шляпки носить и чтоб все кланялись ей в пояс.

Меня она ненавидит всеми фибрами души (если она у нее есть).

Мы с ней стали явными врагами после того, как она услыхала мой разговор с отцом.

Я как-то сказал отцу:

— Мать работала, трудилась и шляпок никаких не просила, а эта почему барыней живет и за нее прислуги работают?

— Кто это «эта»?—нахмурился отец.

— Ольга Васильевна,—ответил я и добавил:

— Так только одни паразиты живут.

Это покоробило отца, я видел, как он изменился в лице и, сдерживая себя, сказал:

— Ты не смеешь ее оскорблять, Это раз. А во-вторых...

Отец вытянул передо мной руки ладонями вверх и спросил:

— Видал?

Я не сразу понял, в чем дело.

Тогда отец сказал:

— Вот, когда у тебя будут такие мозоли, тогда и учить меня будешь. Он в тот раз не стал больше со мной разговаривать и ушел.

Я был очень расстроен в тот день. Я хотел сказать отцу очень многое о том, какой пример дают плохие партийцы беспартийным, и как это сказывается на нашем строительстве. Отец думает, что я просто зол почему-то на мачеху и затеваю бузу по личному делу. Это неправда—и я это докажу».

...В коридоре раздался громкий крик.

Владимир поднял голову и посмотрел в окно.

Два женских голоса надрывались в бранливом крике за стеной.

— Паскуда. Паскуда.

— Это ты, ты паскуда. Потаскуха.

— Ты потаскуха—не я... Недаром муж-то у тебя, бедный, запоем пьет. Трепалка.

— Ты это трепалка... Ты потаскуха, за третьим мужем живешь...

Крик перешел в визг и вопли, тогда захлопали дверьми, и мужской голос хрипло покрыл женские голоса, кто матершинил, опять грохали дверью.

И вдруг раздался тонкий, пронзительный, истошный и дикий вопль.

Владимир вскочил и бросился бежать в коридор, где уже толпились жильцы дома.

У приоткрытой двери в коридор стояли отец, мачеха, Аграфена и Аленка и смотрели.

Крики замкнулись в стенах угольной квартиры.

— Что такое, опять драка?—громко сказал Владимир, ни к кому не обращаясь.

Тогда отворилась дверь и в квартиру влезла Анисья, старая, хитрая баба. Довольно улыбаясь сморщенным лицом, она, ощеряясь, показала гнилые корешки зубов:

— Кончилось представленье.

Тогда все пошли к столу, и Анисья рассказала, как поругались бабы, Марья с Прасковьей, как они бессовестно срамотились и вцепились друг дружке в косы, как выскочили их мужья, и Агей Прасковьин прошиб Никите Марьиному голову поленом.

Рассказывала Анисья со вздохом, поминая господа, и видно было, что рада она случившемуся, как дитя бывает радо копеечной карамельке.

— Какое безобразие,—возмущалась Ольга Васильевна.—Вот семейки-то... Заявить надо в правление, да вышвырнуть их отсюда... Какое безобразие.

— Действительно—безобразие.

Это сказал Владимир.

— Безобразие стравливать людей, как собак... Подлое дело.. Нечестное.

— Кто ж их стравливает?—пристально посмотрел отец на Владимира,—чего ты мелешь?

— Не мелю. Правду говорю...

— Кто ж, по твоему, стравливает?

Владимиру сдавило грудь. Неприятно задергалось в скуле. Он кивнул головой на мачеху.

— Вот... ма... Она всех милочками зовет, с Марьей поговорит—на Дарью наплетет, с Дарьей поговорит—на Марью наплетет... Я сам слышал, знаю... Когда хворал, две недели дома был, все зна...

Мачеха вдруг ахнула, ее белесые, выпуклые глаза сверкнули острой, как бритва, злобой. Отец затрясся и стукнул кулаком по столу.

— Ты... Володька. Што говоришь!

— Правду говорю.

Мачеха открыла рот, тяжко задышала, ее ожиревший бюст заколыхался, как рыхлый студень.

— Щенок!—завопила она,—содрогаясь в злобе,—врун... Сплетник!...

— Вы сплетница.

Мачеха собиралась упасть в обморок. Она испугала отца страшно закатившимися под лоб глазами и застонала:

— Сплетник... Мальчишка... Ж... жисть мене х... х... хочет отравить... В мо... мо... ги... и.. лу... у... свести... О... о .. о...

Вон! Вон!—крикнул вне себя отец. И, видя, что Владимир стоит, растерявшись, отец топнул ногой и заревел:

— Вон! Вон, щенок!

Мачеха поползла толстым задом со стула.

Отец заметался по комнате:

— Тряпку, тряпку скорей мокрую!

— Господи, царица небесная,—крестилась тетка Аграфена, а соседка Анисья, пользуясь сумятицей, вынырнула в коридор и побежала рассказать соседям о скандале у Захаркиных.

III.

Выйдя на улицу, Владимир вздохнул полной грудью и тряхнул головой, словно хотел сбросить с себя тяжелый груз.

Случившееся было неожиданно. Владимир знал, что рано или поздно то, что назревало в семье, должно было так или иначе «прорваться», но никогда он не допускал мысли, что отец станет гнать его из дома. Мысли плыли горячим туманом, горечь и обида были на сердце. Хотелось подумать, что ничего не случилось, что, вот, сейчас вышел он гулять, или идет в библиотеку, а дома мать и отец, прежний отец, простой и веселый, с забавным, непослушным вихром на затылке.

Отец только что пришел с завода и рассказывает матери про заводские дела,—он то, волнуясь, хмурит брови и тогда резко темнеет глубокая складка у него на лбу, то ясно открываются его глаза и светится в них большая радость.

— Все задания на сто процентов выполнили! Знай наших!

И вместе с отцом радуется его заводской радостью мать.

А на столе мирно и уютно поет самовар.

— Похоже на мещанское счастье,—подумал Владимир, и случившееся опять зажало сердце в клещи.

Воздух был тих и прозрачен, как вода в лесном роднике, холодным, голубым и острым светом светили уже редкие и далекие звезды.

В конце переулка захлебывалась в «сербиянке» гармонья и, словно множество ледянок раскалывалось, звенел девичий смех.

Владимиру стало холодно, он поднял воротник и вдруг странно вспомнил, что он не знает, куда и зачем идет.

«В сущности—что ж случилось?—размышлял он. Шел отец, шел и вдруг оступился... Нет. Не оступился. Шел в гору, потом свернул под гору. Но разве мне сломить его твердый характер? Мне, может быть, надо бы было уйти из дома, не дожидаясь сегодняшнего?»

Небо сине зеленело, как зеленеет лед весной, а на большой вечерней улице шедро плескалась в стынущих лужах золотая россыпь фонарей.

В жидком, колеблющемся свете фонаря увидел Владимир блестящие, плутоватые и любопытные глаза.

— Павлик! Настя дома?

Мальчишка подмигнул Владимиру. И вот, шлепнула в лужу Павликова нога, другая стукнула каблуком о камень и камнем ударилось эхо в темные, серые своды глухих ворот. Владимир встал под фонарем. Напротив, на стене желтого дома лежал спокойный, похожий на лунный свет, ясно выступал облупленный, осыпавшийся угол; над кривой, заложенной крест на кресте чугунным затвором дверью, скучно наклонилась вывеска: «Чиню примусы и виласепеды и другую с посуду». За углом дома темнел синий провал и остро и волнующе плыл оттуда звездный холод. Мимо Владимира шли парочки, пряно и возбуждающе пахло духами.

Сегодня встреча с Настей была особенно радостна для Владимира. Они пошли в центр города, и дорогой Владимир рассказал Насте о том, что случилось.

Сергей Дмитриев.

Л. Толстой в Ясной Поляне.

Из воспоминаний тульского журналиста.

1.

Когда я в 1905 году приехал в Тулу и стал интересоваться жизнью Толстого, то был очень удивлен тем, насколько он был здесь «чужим». Если весь мир интересовался Толстым, то туляки до странности были равнодушны к тому, как живет и работает Л. Н. Толстой.

«Интересовались» Толстым только губернатор, жандармы да полиция, и «памятником» этого своеобразного интереса явилось огромное «дело о графе Л. Н. Толстом», хранившееся в губернаторской канцелярии и в 1917 году отосланное в центр, где оно и «пропало» совершенно без всякого следа.

Впрочем, «интересовались» Толстым еще и попы, которые все время предпринимали попытки вернуть его в лоно церкви, хотя они и сами же «отлучили» его от последней, торжественно провозгласив «анафему» в московском успенском соборе. Незадолго до смерти к Толстому ездил с этой миссией архиепископ Парфений. Он провел с Толстым, с глазу на глаз, несколько часов, но успеха, конечно, не добился.

Мне хочется здесь вспомнить, что отлучение Толстого совпало с устройством в Петербурге (1902 г.) передвижной выставки художников. Публика на открытии выставки забросала портрет Толстого цветами, при криках «браво» и аплодисментах. После этого портрет был снят с выставки полицией.

2.

Выше я уже говорил о равнодушии туляков к Толстому. Кроме равнодушия, была еще и ненависть. Когда возник проект назвать одну из улиц его именем, то черносотенцы в городской думе подняли целую бурю и соглашались назвать «улицей Толстого» только... Кашинский (теперь Центральный) переулок, где помещались «дома терпимости», населенные белыми рабынями—проститутками.

О том, как «почитали» Толстого после смерти, скажу ниже.

Конечно, нельзя пройти мимо того, как относилось к Толстому крестьянство. Мне приходилось по этому поводу говорить и с молодежью, и с пожилыми крестьянами.

Молодежь, по моему, относилась к Толстому только иронически и всю его крестьянскую работу называла «барской блажью», но от пожилых я слышал другие речи:

— Такие люди рождаются по одному на тыщу лет,—сказал мне один крестьянин.

Значит, он у в а ж а е т нашу трудную деревенскую работу, коли за нее берется,— говорил другой и добавил:

— Он сам-то добрый, а вот жена-то у него у-ух!—и в этом восклицании было сказано много про Софью Андреевну.

А к Толстому приезжали и ходили, буквально, тысячи людей из всех стран мира и из всех же стран мира присылали письма, книги с собственноручной подписью авторов, а однажды, после того, как в 1916 году Толстой написал пламенную статью «Не могу молчать», с протестом против Столыпинских виселиц, которыми царский сатрап покрыл всю Россию, была получена в Ясной Поляне посылка. Ее вскрыли и в посылке оказалась... веревка и письмо, в котором какая-то «и н т е л л и г е н т н а я» (к ее позору) женщина приглашала Толстого удавиться на этой веревке в качестве искупительной жертвы за всех тех «негодяев», которых он защищает в своей статье, предлагая правительству свою жизнь за них.

3.

Пошлость людская вообще не оставляла Толстого. Приходили люди, чтобы только «взглянуть на Толстого», выклянчить подачку, при чем бывали и такого рода «курьезы»: пришел к Толстому один студент и начал разговор с того, что он всегда читает евангелие и что оно и сейчас у него лежит в кармане. Хотел достать книгу, но вместо евангелия на пол из кармана выпала полбутылка водки. Толстой засмеялся, а студент сильно сконфузился.

Толстой вообще не любил пьяниц и спешил от них всегда поскорее отделаться, но, по мягкости своего характера, иногда с этим мирился. Так, при Ясной Поляне находился корреспондент «Русского Слова»— горчайший пьяница Куприянов, которого не могла терпеть С. А. Толстая. Но в поисках за новостями Куприянов до того обнаглел, что стал вскрывать адресованную Толстому корреспонденцию, так что его пришлось удалить из Ясной Поляны.

Любовь к людям вообще сквозила во всех действиях и разговорах Толстого, чего часто очень не одобряла его жена.

Но если Толстой вообще любил людей, то детей он любил в особенности. Я сопутствовал экскурсии тульских школьников в Ясную поляну, устроенной летом 1908 года.

Дети весь день пробыли в Ясной Поляне. Они очень быстро освоились с Толстым, говорили и играли с ним. С головы Толстого была сорвана большая широкополая, войлочная шляпа и кем-то подбитая, полетела вверх. Было очень много смеха и радости в этот день. Софья Андреевна, сделавшая несколько снимков с детей, потом говорила мне, что Л. Н. считал этот день, проведенный в общении с детьми, настоящим праздником. Праздником был для него также и тот день, когда оправдали крапивенских крестьян, судившихся в Туле выездной сессией Московской судебной палаты в 1910 г. «за разбойное нападение на почту».

В сущности никакого «разбойного» нападения не было. Просто подвыпившие на масленице ребята столкнулись с почтой, мешавшей их катанью. Жандармы и полиция состряпали «дельце», грозившее парням каторжными работами.

Уверенный в невиновности крестьян Л. Н. написал письмо тульскому адвокату Б. О. Гольденблату, прося его взять на себя защиту, и сам приехал на заседание судебной палаты.

Царские судьи не осмелились «закатать» невинных людей в присутствии Толстого, и они были оправданы.

Я видел лицо Толстого в это время. Оно, буквально, сияло, он подошел к Б. О. Гольденблату и сказал ему:

— Спасибо, защитили по-братски!

4.

Теперь я перейду к уходу Л. Н. из Ясной Поляны. Это случилось ночью 27 октября (9 ноября) 1910 года.

Толстой чрезвычайно тяготился своей «барской» жизнью, окруженной довольством, лакеями и заботами. Он неоднократно *по* рывался сразу покончить со всем этим и уйти из дома, но боязнь огорчить жену удерживала его от этого шага, который он все же сделал осенней ночью 1910 года.

Своей жене он оставил письмо, в котором об'яснял свое решение, но на Софью Андреевну это решение так повлияло, что она бросилась в пруд, из которого была вытащена дочерью Александрой Львовной.

Впрочем, Толстой скоро был найден на станции Астапово (теперь «Лев Толстой») Ряз.-Ур. ж. д. и там умер 20 ноября 1910 г., окруженный... жандармами, шпиками, корреспондентами всевозможных газет и кинематографщиками. Последние н е м е д л е н н о после того, как только великий писатель испустил последний вздох, принялись за кино-с'емку.

К смертному одру Толстого слетелось и «воронье»—монахи, думавшие «обратить Толстого на путь истины», но им пришлось вернуться из Астапова не солоно хлебавши.

5.

Хоронили Толстого в ясно-полянском лесу, на месте, заранее им выбранном. Стечение народа было огромное, преобладала молодежь, но народу было бы еще больше, если бы «попечительное начальство» не отменило целого ряда поездов, назначенных для депутаций, отправлявшихся в Ясную Поляну.

После прибытия гроба с телом писателя на ст Козловка-Засека М.-К. ж. д. (теперь Ясная Поляна), гроб был отнесен на руках в усадьбу Молодежь всю дорогу пела «вечную память». Затем гроб был поставлен на некоторое время в зале усадьбы, и все простились с телом Л. Н. Толстого.

В молчании гроб был снова поднят и понесен к месту последнего успокоения. Опять раздались звуки «вечной памяти», но нельзя было не заметить «шныряния» подозрительных личностей, в которых все без труда узнавали шпиков

Но вот и могила. Прах величайшего писателя наших времен под печальные звуки «вечной памяти» засыпается землею. Кладутся венки на свежий холм. Никаких речей, а скорбное молчание. Медленно, медленно тает толпа в вечерних сумерках.

Но, хотя Толстой и был похоронен без церковных обрядов, как он сам этого хотел, уйти совсем его праху от попов не удалось. Нашелся какой-то «бродячий поп», который явился на могилу Толстого и, в присутствии его вдовы, отслужил панихиду по «болярине Льве».

Надо отметить, что имя гениального писателя до прихода советской власти ничем не было ознаменовано в Туле.

Городская дума хотела выстроить мост его имени через р. Упу в Чулково со скульптурными изображениями героев Толстого (!), затем устроить бульвар от Тулы до Ясной Поляны, его же имени. Тульские клубы решили устроить «толстовские комнаты», но все это осталось на бумаге. Лучшими памятниками Льву Николаевичу явятся та больница и школа, которые выстроены к столетнему юбилею Толстого советской властью. Есть теперь у нас и улица его имени.

Вас. Рашков.

ПОШУТИЛ!

Рис. В. Сэпп.

Юмореска АЭМ.

I

Перед домиком—«скворешником», которых в Чулкове, как грибов в дождливую осень, остановился почтальон и бросил в окно запечатанное письмо Хозяйка «скворешника» —Марья Петровна—жена рабочего Моторина, прикрикнула на расходившихся ребят и в недоуменьи подняла упавший на пол конвертик.

— Откуда бы это такое? Кажись, не от кого!—проговорила она.

Письмо было адресовано ее мужу. Не долго думая, вскрыла конверт и выташила аккуратненько сложенный листок. Поднесла к глазам и, как ошеломленная громом, прочитала:

Дорогой Вася!

Большое спасибо тебе за платье и кофту. Они оказались мне в самый

И, как ошеломленная громом, прочитала...

раз. Туфли тоже очень хороши. Только правая немножечко подалась вбок и жмет. Ну, да это ничего. Целую тебя крепко, крепко и остаюсь вся вся твоя

Настенька.

А внизу едкая приписочка:

«Поклонись от меня наседке щипаной—твоей женушке».

Как стояла Марья Петровна, так и обомлела. Опустились руки вниз и слова вымолвить не может.

II

Кончился трудовой день, прогудел заводский гудок, потянулись рабочие по домам. Пришел к своему «скворешнику» и слесарь 6 го разряда Василий Павлович Моторин. Вошел на крылечко, проскрипел половицами в крошечном коридорчике и открыл дверь в свою хибарку. Не успел сделать двух шагов за порог, как на него набросилась жена с ухватом и начала крестить, где попало.

— Ты что, сбесилась что ль? — остановился в изумленьи муж, почесывая ушибленные места.

— Нет, идол потаскучий,—завопила оскорбленная подруга жизни.—Я-то не сбесилась, а вот ты-то действительно с ума спятил . На старости лет Настенек стал заводить, обновочки им покупать... Так вот тебе...вот тебе... И Марья Петровна с новой энергией принялась охаживать мужа ухватом.

—Да перестанешь-ли ты, чортова кукла!— взвыл от боли избитый муж и, вырвав у раз'яренной жены ухват, разломил его на несколько частей.

Это ее разозлило еще больше.

— А—а, теперь я стала чортова кукла .. Нехороша стала. Законная жена чуть не босиком ходит, а полюбовницам платьица новые, туфельки справляем!—вопила она на весь дом.

III

— Что с тобой, Вася, Ты весь в синяках?! Аль жена избила, со смехом спрашивал Моторина на другой день в мастерской его друг-приятель Сенька Копчик.

— Представь себе, Сеня, что действительно жена так меня разукрасила! – откровенно признался Моторин

— Что с ней?

— Чорт ее знает. Сбесилась что-то баба. Про какую-то Настеньку плела... Разводиться хочет. Наверно, «кумушки» какой нибудь чертовщины ей наговорили!

— Ну, пустяки! — успокоил приятеля Семен.—Готовь сегодня бутылку водки с закуской, я приду и вас живым манером помирю.

IV

После работы Копчик вместе с Мотириным отправился к нему в дом. Марья Петровна на мужа почти не глядела, с гостем же обошлась тоже не особенно ласково.

— Что это ты, хозяйка, нахохлилась, как мышь на крупу?—шутливо спросил Семен.

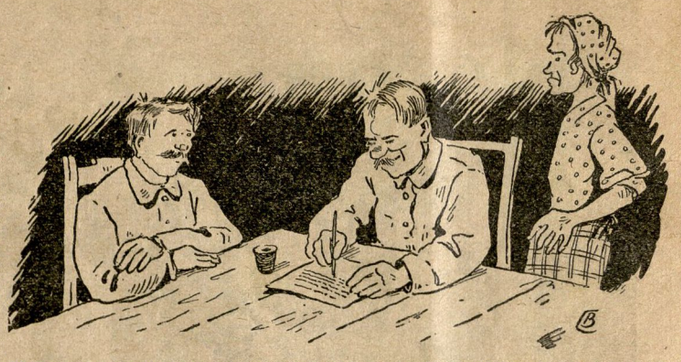
— С вами, с чертями, нахохлишься! — бросила хозяйка.

— Что так?—еще больше засмеялся гость.

— Спроси у приятеля, он расскажет!— ткнула она в сторону мужа и громко расплакалась

Не успел и сделать двух шагов за порог, как на него набросилась жена с ухватом.

Тот взял перо и через пять минут подал хозяйке исписанный лист...

Семен поднялса с места, подошел к плачущей женщине и, положив ей руку на плечо, промолвил:

— Ну, будет вам зря печенки-то надрывать Ведь письмо-то никакая Настенька писала, а я сам лично.

— Какое такое письмо?- перестала плакать женщина.

— А вот которое тебя так расстроило-то...

— Брось зубы-то заговаривать... Все вы кобель кобеля покрываете!—злобно бросила женщина.

— Чего там покрывать?—уверенно заговорил Сенька.—Хотишь, я тебе вот теперь же, сидя у вас, напишу слово в слово то же самое, что было написано и в том, что ты получила.

Марья Петровна подошла к столику, взяла крохотную чернильницу—невыливайку, перо и четвертушку бумаги.

— На, пиши!—резко сказала она Семену. Тот взял перо и через пять минут подал хозяйке исписанный листок. Та взяла бумажку, достала из кармана другую и, подойдя к окну, начала тщательно сличать. Бумажки оказались одинаковыми и написанными одной и той-же рукой.

Глаза хозяйки вспыхнули недобрым огоньком, она быстро направилась в один из уголков и схватила увесистую ясеневую скалку. Не успел гость опомниться, как на его голову и плечи посыпались частые крепкие удары.

— Вот тебе, сволочь! Не баламуть честных людей! причитывала она.

Словно ошпаренный вскочил Семен и кинулся было к двери. Но здесь его с мрачным видом встретил сам хозяин.

— Так это твоя шутка, приятель! сказал он и здоровенным ударом кулака сбил друга с ног.

Не помня себя от боли и страха, Копчик вскочил на ноги и бросился во двор, в открытое окно. Здесь на него набросилась черная здоровенная дворняга. Копчик с ловкостью акробата перелетел через забор и горячо благодарил всех богов за то, что не лишился жизни. В дань дворняжке он пожертвовал только одну правую штанину.

Такою ценою заплатил Копчик за свою шутку над почтенным семейством Моториных.

Аэм.

Издатель—газета „Коммунар".

Редакционная коллегия { М. Колябская, С. Корнев, С. Дмитриев, А. Медведев, В. Старцев.

Гублит № 1009. Типография Тулпечати—Тула, ул. Коммунаров, 42. Зак. № 3338 Тираж — 5000 экз.

Тула строится. *С. Дмитриев.*

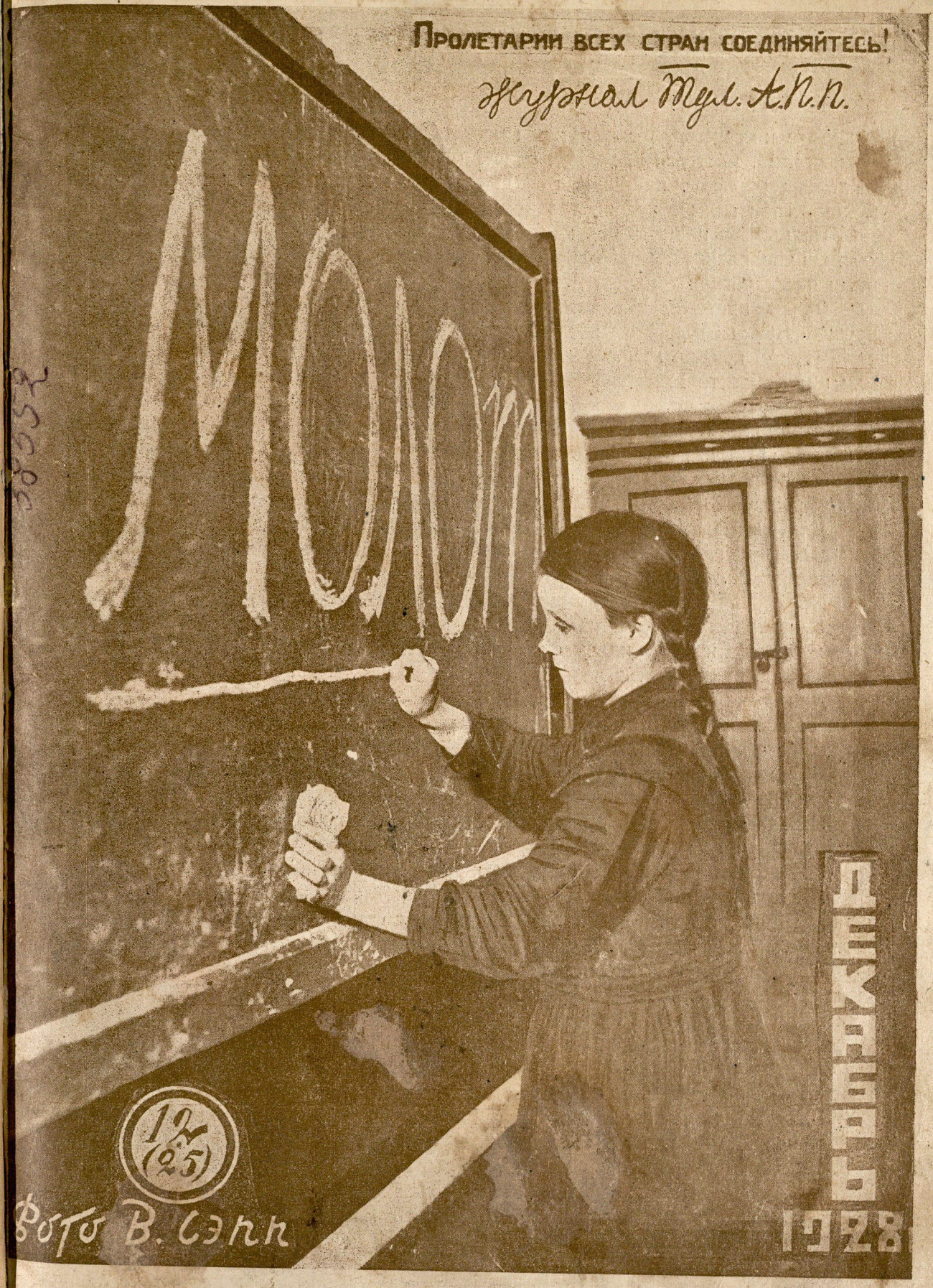
Сходка в селе. *С. Дмитриев.*

38552

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

Журнал Тул. А.П.П.

Молот

10 к. (25)

Фото В. Сэнк

Декабрь 1928

Организуйте литературные кружки на фабриках, заводах, в мастерских и клубах.

К рабочим корреспондентам.

ТОВАРИЩИ!

Тяга к искусству и литературе среди рабочих непрерывно растет. На каждом предприятии, мастерской, заводе, вокруг стенгазет в рабкоровских кружках есть не только рабкоры, пишущие газетные заметки и статьи, но и рабкоры, пробующие свои силы в художественном слове, в литературе.

Появляется настоятельная необходимость помощи этим начинающим писателям, направление их работы по пути скорейшего преодоления встающих перед ними писательских трудностей.

Одним из методов работы начинающих писателей является литературный кружок. Кружок может быть организован при мастерской, заводе, клубе и т. д.

Членом кружка может быть каждый рабочий, начинающий работать в той или иной области литературного творчества.

В процессе творческого роста и усвоения задач пролетарской литературы и литературно-политической платформы ассоциации пролетарских писателей наиболее активные кружковцы вливаются в состав тульской ассоциации пролетарских писателей, составляя творческое ядро кружка и являясь живым звеном между кружком и ассоциацией.

Для руководства работой кружка избирается на общем собрании, при наличии достаточного количества членов, бюро, или секретарь—при малом количестве членов кружка. Бюро избирается на срок 3 (или 6) месяцев.

На обязанности бюро лежит общее направление работы кружка, связь со всеми заводскими организациями, связь с местным отделением АПП и устройство хозяйственно-материальной стороны работы (помещение, литература, изыскание средств, приглашение лекторов и т. д.).

Для руководства учебной работой выделяется ассоциацией руководитель. Он проводит беседы по программным вопросам и направляет занятия по разбору и критике произведений кружковцев.

Внутренняя работа кружка состоит из учебно-теоретических занятий и коллективно-критического разбора произведений кружковцев.

Первая часть работы проводится по программам, получаемым из ассоциации в строго плановом порядке.

Результаты занятий фиксируются в дневниках кружков.

Являясь звеном общезаводской культурно-просветительной сети, литературно-творческий кружок устанавливает связь с клубом, культкомиссией завкома, библиотекой и др. культурными ячейками предприятия.

По мере развития творческой работы члены кружка принимают активное участие в постановке литературного уголка в общезаводской или цеховых стенных газетах.

Связавшись с правлением клуба, кружками массового действия (драматическим и кружком рабкоров), литкружок участвует в художественном оформлении проводимых внутризаводских и общих кампаний.

Находясь в постоянной связи с библиотекой, кружок принимает участие в массовой и кружковой работе с читателями.

Все эти мероприятия проводятся по мере имеющихся в кружке возможностей и не должны итти в ущерб основной учебно-творческой работе.

Время от времени для закрепления связи с массой рабочих завода и вынесения на ее суд своих творческих достижений кружок организует отчетные литературные вечера.

С товарищеским приветом Т. А. П. П.